

брака царствующимъ особѣ, и наотрѣзъ объявила, что пусть себѣ поляки выбираютъ Пяста, сколько хотятъ, но только не Станислава-Августа Понятовскаго. Фридрихъ, въ началѣ іюля 1764 г., извѣстилъ объ этомъ Панина, еще только какъ о намѣреніи Порты, прибавляя отъ себя настоятельный совѣтъ, въ предупрежденіе могущихъ произойти неприятныхъ послѣдствій, поскорѣе, еще во время междоцарствія, обвинчать Понятовскаго съ какой-нибудь польской дамой знатной фамиліи, могущей придать ему новый блескъ. А въ концѣ того же мѣсяца и Обрѣзковъ сообщилъ также требованіе Порты, уже какъ официальное заявленіе (маленькая черта, указывающая на вѣроятность участія прусской руки въ этомъ дѣлѣ: великій визирь, дѣлая свою декларацію Обрѣзкову, выразился, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: «всякій другой полякъ, будетъ ли то братъ или близкій родственникъ Понятовскаго, Портѣ одинаково пріятенъ, лишь бы только онъ былъ женатъ и не могъ вступить въ бракъ ни съ императрицей, ни съ какой-нибудь австрійской или французской принцессой»). Панинъ былъ ужасно смущенъ и, по обыкновенію, прибѣгъ за совѣтомъ и помощію къ Фридриху. Подчиниться Портѣ онъ не хотѣлъ и не могъ, отвѣтъ ей написалъ, какъ и подобало, съ большимъ достоинствомъ и съ твердостью, но самъ боялся результатовъ и просилъ прусскаго короля о поддержкѣ. Тотъ конечно обѣщалъ всяческую помощь и повторилъ свой прежній совѣтъ. Исполнить его въ точности оказалось невозможнымъ: Понятовскій почти слезно умолялъ не женить его, отказываясь отъ короны, если непременно захотятъ сдѣлать это. Но все же въ Pacta conventa включена была статья, которою король обязывался жениться не иначе какъ на природной полькѣ. По этому поводу Финкенштейнъ и Герцбергъ писали Сольмсу именемъ короля. «Ожидаю вскорѣ извѣстія объ избраніи короля Польши. Я съ удовольствіемъ узналъ, что въ Pacta conventa включили, что новый король клятвою обязуется никогда не жениться ни на комъ, кромѣ природной польки. Я въ восторгѣ, по извѣстнымъ вамъ причинамъ». Въ этихъ словахъ вся депеша...

Вторая статья касалась диссидентовъ. Екатерина, увлеченная сначала бурляндскими дѣлами, потомъ избраніемъ Понятовскаго и хозяйничаньемъ, по этому поводу, въ Польшѣ, совсѣмъ забыла о диссидентахъ. Ни Панинъ, въ разговорахъ съ Сольмсомъ, ни она сама, въ письмахъ своихъ къ Фридриху, не вспоминали о нихъ ни единымъ словомъ. За то Фридрихъ не упускалъ изъ виду этотъ богатый рудникъ, обѣщавшій несомнѣнные сокровища всякому, кто имѣлъ виды на Польшу. Тотчасъ послѣ смерти